

Семья — это тирания самого слабого ее члена.

Джордж Бернард Шоу

сквозь туман
невозможно разглядеть
огненных глаз
жадных когтей
челюстей
сквозь туман
видно лишь мерцание небытия...
если бы не его удушающая тяжесть
и не смерть, что он ниспосылает
можно было бы подумать
что это галлюцинация
больного воображения
но он существует
он определенно существует

*Збигнев Херберт.
Монстр господина Когито*

Уильям Херст

Ее лицо было первым, что увидел Уильям, открыв глаза после не самых приятных снов. Его мать улыбалась, склонившись над ним, взгляд голубых глаз был дымчато-мягким, а солнечный свет обрамлял ее волосы, как у Иисуса на картинке из детской Библии мальчика.

Подлежащим в ту субботу было «мама», а сказуемым — «оберегать».

Позади нее, в изножье кровати Уилла, стоял аквариум с лягушками, о котором он просил все лето. В нем был небольшой прудик с головастиками и каменный уступ, на котором лягушки могли дремать под сенью зеленого пластикового клевера.

Уилл знал, что ему следовало тараторить от восторга. Она стояла, ожидая, что он будет радостно молотить кулаками (конечно, он *ни за что* бы не осмелился прыгать в кровати). Но что-то было не так. День был выбран странный.

— Сегодня мой день рождения? — спросил Уилл. — Я чем-то заслужил особенный подарок?

— Нет, — ответила Джозефина. — И это ты, малыш, мой особенный подарок.

Она потянулась к лицу Уилла, словно хотела игриво ущипнуть его за забинтованный подбородок или заправить за ухо прядь слишком длинных волос. Но зазвонил телефон, и ее ухоженная рука замерла в воздухе. Она отстранилась и, мягко ступая ногами в домашних тапочках, вышла ответить на звонок. Бигудилипучка выпала из ее волос и репейником пристала к ковру.

Теперь, когда Вайолет, шестнадцатилетняя сестра Уилла, была изгнана из дома Херстов, в нем должно было стать тише. Но странным образом вышло наоборот. Даже после того, как его мать ответила на звонок сотового, ее голос остался взволнованным, а действия — суетливыми. Он спустился следом за ней на кухню, где по радио уже играла классическая музыка. Хлопала дверца буфета. Столовое серебро громыхало, когда мама задвигала ящики.

Со второго этажа доносился запах тухлых яиц — отец принимал утренний душ. Вода в их колодце пахла сероводородом. Вайолет любила говорить, что так пахнет в аду и других местах, кишачих демонами. По словам его матери (и у Уилла не было оснований усомниться в них), демоны были мятежниками, как Вайолет. Они отпали от благодати, когда, глядя в любящие глаза Бога, провозгласили, что больше в нем не нуждаются.

За кухонным столом Джозефина спросила:

— Что обозначает существительное — действие, предмет или признак предмета?

— Признак предмета, — ответил Уилл, поглощая овсянку.

По загадочной улыбке Джозефины было невозможно определить, был ли ответ правильным.

— Давай так. Найди существительное в предложении: «Я всегда знаю, что делаю».

— Что.

— Я спросила, какое слово в предложении...

— Нет, мам. Это не вопрос. Я имел в виду, ответ — «что».

— О... о, я ожидала, что ты скажешь «я». Но, думаю, «что» в этом случае тоже правильно.

Домашний телефон зазвонил на базе. Джозефина сняла трубку и медленно направилась из кухни со словами:

— Нет, я же сказала тебе. У меня двенадцатилетний сын с особенностями развития. Она опасна для него. Ей нельзя здесь находиться.

Уилл страдал расстройством аутического спектра и эпилепсией. Ему казалось, что это что-то хорошее, ведь спектр — это круг возможностей. Но он знал, что семья втайне стыдится его особенностей — в частности, Дуглас, его отец. Уилл замечал, что в кафе-мороженом он не сводит взгляда с юношеских футбольных команд, зашедших полакомиться после игры. Возможно, он мечтал о другом сыне — крепком коротко стриженном здоровяке, душе компании, способном самостоятельно принимать душ и подниматься по лестнице, не подвергаясь изматывающему риску забиться в судорогах.

Мать Уилла старалась видеть плюсы в его болезни. Когда он впадал в уныние и, плача, восклицал: «Я не такой, как нормальные люди!», Джозефина утешала его: «Да, ты не такой. И слава богу! Нормальные люди — недалекие и скучные».

Уиллу поставили двойной диагноз девять месяцев назад, и с тех пор мать перевела его на домашнее обу-

чение. Имея за плечами университетское прошлое, она ничуть не уступала бывшим учителям Уилла. К тому же она переделала школьную программу специально под него. Во всем, что касалось математики, Джозефина была терпелива с сыном, которому требовалась вечность, чтобы постичь смысл квадратных корней. Но ее требования к освоению Уиллом словесности были безжалостными, и она ставила себе в заслугу качество его письма и удивительно развитые для его возраста навыки чтения.

Вайолет говорила Уиллу, что аутизм — это благословение. Она изучала буддизм и предполагала, что в прошлой жизни Уилл был человеком исключительных качеств — терпеливым, бескорыстным, праведным, — за что в этой жизни был вознагражден повышенной восприимчивостью. По словам Вайолет, Уилл глубже чувствовал и понимал вещи, недоступные другим людям, что уподобляло его повседневную жизнь нирване.

Джозефина не одобряла интереса дочери к восточной религии. Ей не нравились гулкие звуки тибетской поющей чаши, терпкие благовония, изображение гешэ в золотистой рамке на прикроватной тумбочке.

Херсты были католиками. Каждый раз, когда Вайолет, скрестив ноги, усаживалась перебирать бусины джапа-мала, Джозефина просила ее убрать «эти фальшивые четки». В августе Вайолет обрелась налысо отцовским электрическим триммером. Уилл вспоминал, как Дуглас бушевал в гостинной, сжимая в кулаке длинные каштановые пряди и крича: «Вайолет! Что все *это* значит?» Даже не потрудившись повернуть обритую голову в его сторону, не отрываясь от DVD с видеоме-

дитацией, Вайолет уронила: «Значения — это иллюзии несовершенного разума, пап. Не пытайся втиснуть реальность в словесную форму».

Вайолет никому не позволяла втиснуть себя в чью-то реальность.

«Вайолет непредсказуема, — любила говорить Джозефина. — Только ты подумаешь, что понял, кто она, как она уже другая: словно лед превращается в воду».

Одна из трансформаций Вайолет и стала началом проблем. «Экстремальные изменения личности» дочери были одной из причин, по которой последние сорок минут Джозефина провела на телефоне, шепчась о «кризисном отделении», «принудительной госпитализации» и других вещах, значения которых Уилл не смог бы найти в своем «Словаре школьника».

«Вайолет больна», — объяснила она ему несколько недель назад, после того, как та вновь довела ее до слез. «Ты же знаешь, что у нас иногда болят части тела? — добавила Джозефина, вытирая глаза. — Например, желудок или горло. Ну а у Вайолет больна часть мозга, отвечающая за ее чувства».

Уилл полагал, что причиной болезни мозга Вайолет был отказ от еды. Не от всей еды. Но с недавних пор она не пила ничего кроме гранатового сока или молока, а ела лишь рис быстрого приготовления или мерзко пахнущие бобы мунг с сахаром.

Вайолет стремительно худела, и ее одежда уже начала походить на маскарадный костюм. В длинной майке, отцовской рубашке и штанах-аладдинах она напоминала одного из сорока разбойников Али-Бабы. Мать говорила, что Вайолет носила газовый платок на голове из-за того, что в школе смеялись над ее лыси-

ной. Но когда Уилл спросил об этом саму сестру, она пояснила, что покрывает голову, потому что совершает *саллекхану*.

— Это из буддизма? — спросил Уилл.

— Нет. Это из джайнизма, — ответила Вайолет.

— Но она склонна к суициду! — говорила Джозефина в трубку. — Я навела справки, эта джайнистская штука — как она там называется — это ритуальное самоубийство через голодовку.

Джозефина, все еще в халате, ссутулилась на табуретке у кухонной стойки. В ее каштановых волосах уже не было бигуди, но она была слишком озабочена, чтобы пригладить их расческой. Завитки на голове торчали под немислимыми углами. «Важно, какое впечатление ты производишь», — наставляла она Уилла, и сейчас ее растрепанный вид беспокоил его сильнее почти всего остального — что, учитывая обстоятельства, говорило о многом. Уилл вертелся у плиты, стараясь нащупать швы под хирургической повязкой на своем подбородке. Он не пытался делать вид, что не подслушивает.

— Вы словно просите меня выбрать между моими детьми, — ответила Джозефина загадочному собеседнику. — Я люблю свою дочь сильнее, чем могу выразить, но я в ужасе от нее. Она серьезно поранила моего сына. Угу. Да. Я боюсь за наши жизни.

Вумп-вумп-вумп. Только скрип шариковой ручки нарушал тишину, пока далекий собеседник что-то говорил Джозефине.

— Я знаю, что мы не единственные жертвы. Вайолет страдает от своего состояния больше, чем кто-либо. Угу. Я согласна. Мы пытались обеспечить ей необходимое лечение, но она впадает в ярость, едва об этом

заходит речь. — Она замолчала и выслушала краткий ответ.

— Это... — голос Джозефины дрогнул. В записной книжке она нацарапала «5150, удерживать» и обвела запись звездочками. — Это разбивает мне сердце. Но если, как вы утверждаете, для нее это наилучший способ лечения, думаю, у меня нет особого выбора.

Из груди Уилла вырвался звук жалости и беспомощности. Он хотел защитить маму так же сильно, как она стремилась уберечь его. Прошлой ночью досталось именно Уиллу, но единственной, кому Вайолет желала смерти, была их мать.

Из всех вчерашних событий больше всего Уилла напугало то, как его сестра смотрела на мать через обеденный стол. Это было так типично для нее — злобный взгляд, виновато поникшая шея и прикрытые глаза. Кто-то мог бы ошибочно посчитать Вайолет кроткой и смиренной. Но Уилл знал правду: она считала себя доказательством того, что характер всегда возьмет верх над воспитанием. Ей не нужна была любящая забота матери, чтобы выжить.

Уилл пересек кухню и ободряюще обнял маму за пояс. Зажав телефонную трубку рукой, она прошептала:

— Не бойся, дорогой. Ты в безопасности. Я обещаю. Я больше никогда не позволю ей сделать тебе больно.

Вайолет Херст

В свою первую ночь в приемном покое психиатрической больницы Вайолет обнаружила себя свернувшейся клубочком на каталке в коридоре, пахнущем одновременно грязными волосами и дезинфицирую-

щим средством. Ее мозг все еще горел, словно резко выключенный взревевший двигатель, но благодаря выпитому ранее жидкому активированному углю мысли стали чуть более ясными, а вселенная стала чуть меньше походить на одну большую голографическую временную петлю.

В каталке напротив Вайолет увидела приземистую женщину гавайской наружности. Та сидела очень прямо, ее глаза дико бегали по сторонам.

— Меня мучает вопрос, — сказала женщина, — Быть мной нормально?

Сперва Вайолет подумала, что пациентка обратилась не к ней: что она молилась вслух или вела откровенную беседу с голосом, который слышала лишь она. Вайолет упорно избегала смотреть на нее, устремив взгляд в одноразовые резиновые тапочки, выданные ей, когда она босая поступила в отделение.

Ровно неделю назад, в это же время, она записывалась по телефону на вступительный экзамен, писала доклад по английскому и думала, стоит ли пойти на вечеринку в честь Хэллоуина. Казалось, все это происходило в прошлой жизни. Меньше трех часов назад произошла ее реинкарнация в душевнобольную. Она прошла через три запертые на замок двери и металлоискатель. Она помочилась в несколько стаканчиков и сдала кровь из обеих рук. С нее сняли одежду и вручили пижаму, которая не желала оставаться застегнутой на талии.

Гавайская пациентка продолжала свою жуткую мантру. «Почему я не могу быть собой? Почему меня нельзя любить?»

— Она с тобой говорит, ты в курсе? — прозвучало с койки справа, где растянулся на животе молодой

пуэрториканец. Между его локтями лежал раскрытый таблоид из супермаркета. Судя по всему, парень методично рвал страницы и составлял из клочков пофранкенштейнски гротескные комбинации, приставляя подбородку Джона Траволты губы Анджелины Джоли и нос Саймона Коуэлла.

— Со мной? — глупо спросила Вайолет. Не считая постоянного потока медсестер и санитаров, в холле находились лишь они трое.

— Она говорит, что она интуит, — заявил парень.

— Оу. — Вайолет не хотелось признаваться, что она не знает, что это значит.

— Оаху, видишь ее? У нее дар. Она становится одержима людьми вокруг нее. Она чувствует то, что чувствуем мы, прикинь? Типа как в «Похитителях тел».

Внезапно женщина перестала размахивать руками и повернулась, чтобы посмотреть прямо на Вайолет. Она обвиняюще, с нажимом спросила:

— Кто *управляет* тобой?

Вайолет снова вспомнила Оаху полчасом позже, когда медсестра, оформляя ее, спросила:

— Вы слышите голоса или видите что-то, что не видят и не слышат другие люди?

Пока психолог задавала вопросы, выплевывая их со скоростью пулеметной очереди, Вайолет судорожно рыдала, вытаскивая салфетку за салфеткой из коробки, балансирующей на ее обтянутых пижамой коленях.

— Вы страдали психическими заболеваниями? Знаете свой клинический диагноз? — спросила психолог.

— Нет. Тоже нет.

— Вы принимаете какие-нибудь препараты — легальные, нелегальные?